

*Казарян Владимир Каренович,
4 курс бакалавриата ВШГА МГУ им. М.В.Ломоносова*

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

В статье осуществляется комплексный доктринально-правовой анализ проблем, возникающих в процессе квалификации деяний, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, совершаемых с использованием цифровых финансовых активов (ЦФА). Рассматривается коллизия между динамичным развитием технологии распределенного реестра и консервативным характером уголовно-процессуального доказывания. Автор исследует онтологическую сущность ЦФА как предмета легализации, разграничивая их с цифровой валютой, и выявляет пробелы в механизме отслеживания транзакций и ареста активов. Особое внимание уделяется проблеме доказывания специальной цели — придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению цифровыми активами, приобретенными преступным путем. Предлагаются теоретические и практические подходы к совершенствованию правоприменительной практики и уголовно-процессуального законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Легализация преступных доходов, цифровые финансовые активы (ЦФА), ст. 174 УК РФ, блокчейн, предмет преступления, предикатное преступление, электронные доказательства, конфискация, криптовалюта, квалификация преступлений

Стремительная цифровизация экономических отношений привела к фундаментальной трансформации способов совершения экономических

преступлений, создав новые вызовы для уголовной юстиции. Особую остроту приобретает вопрос использования цифровых финансовых активов (ЦФА) и иных виртуальных инструментов в схемах легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Проблема квалификации и доказывания таких деяний лежит не столько в плоскости отсутствия законодательного регулирования, сколько в глубоком онтологическом разрыве между традиционными доктринальными конструкциями уголовного права и технологической природой цифровых активов. Актуальность исследования обусловлена тем, что использование ЦФА позволяет преступным элементам создавать сложные, трансграничные цепочки транзакций, направленные на разрыв связи между предикатным преступлением и конечным бенефициаром, что ставит под угрозу экономическую безопасность государства и требует выработки новых научно обоснованных подходов к правоприменению.

Центральной проблемой квалификации деяний по статьям 174 и 174.1 УК РФ является определение правовой природы ЦФА как предмета преступления. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...» вводит дефиницию ЦФА, определяя их как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам и права участия в капитале непубличного акционерного общества. Важно отметить, что законодатель четко разграничивает ЦФА и цифровую валюту (криптовалюту), однако на практике, в контексте легализации, эти понятия часто смешиваются, что порождает ошибки в квалификации. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 07.07.2015 № 32 (в ред. от 26.02.2019) разъяснил, что предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать денежные средства, преобразованные в виртуальные активы. Однако, если цифровая валюта часто используется как инструмент анонимизации (особенно в нерегулируемом секторе), то ЦФА, выпускаемые в российских информационных системах под контролем операторов, имеют

иную специфику. Здесь легализация происходит не через анонимность, а через создание видимости законной инвестиционной деятельности. Проблема заключается в том, чтобы доказать, что приобретение токенизированного актива (ЦФА) было совершено именно с целью придания правомерного вида владению грязными деньгами, а не являлось простым способом их хранения или траты (потребления), что, согласно устоявшейся судебной практике, не образует состава отмыывания.

Сложность квалификации усугубляется необходимостью установления момента окончания преступления. Традиционно легализация считается оконченной с момента совершения финансовой операции или сделки. В случае с ЦФА, функционирующими на базе технологии распределенного реестра (блокчейн), момент перехода прав фиксируется внесением записи в реестр. Возникает вопрос: считать ли легализацией сам факт конвертации преступных фиатных средств в ЦФА, или же состав образуется только при последующем выводе средств из ЦФА обратно в фиат или при их обмене на иные активы? Представляется, что с точки зрения доктрины, первичная конвертация («placement» в терминологии FATF) уже создает условия для сокрытия источника происхождения средств, однако для квалификации по ст. 174.1 УК РФ необходимо доказать наличие прямого умысла именно на легализацию.

Если преступник приобрел ЦФА исключительно для того, чтобы скрыть средства от конфискации, но не вводил их в легальный оборот (например, не получал дивиденды, не продавал актив на вторичном рынке), то квалификация как отмыывание может быть оспорена защитой как «продолжаемое хранение похищенного в иной форме». Здесь мы сталкиваемся с тонкой гранью между реализацией преступного умысла на хищение (распоряжение похищенным по своему усмотрению) и самостоятельным составом легализации. Научная новизна подхода должна заключаться в признании того, что использование инфраструктуры операторов информационных систем ЦФА само по себе является способом придания видимости законности, так как такие активы

проходят через процедуры KYC/AML, и их наличие у субъекта создает ложную презумпцию легальности капитала.

Особый пласт проблем связан с процессом доказывания. Специфика ЦФА заключается в их нематериальной природе и зависимости от криптографических ключей. Ключевым доказательством в делах о легализации через ЦФА является цифровая следственная информация (digital evidence). Однако действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит детализированного механизма работы с такой информацией. Проблема идентификации владельца актива при использовании ЦФА стоит менее остро, чем в случае с децентрализованными криптовалютами, поскольку операторы информационных систем обязаны вести реестр пользователей. Тем не менее, преступники могут использовать подставных лиц (дропов) для регистрации аккаунтов. В этом случае доказательство субъективной стороны преступления (знания о преступном происхождении средств) у лица, на чье имя оформлен ЦФА, становится крайне затруднительным. Следствию необходимо выстраивать цепочку косвенных доказательств: совпадение IP-адресов, с которых осуществлялось управление счетом, с местоположением реального бенефициара, анализ переписки в мессенджерах, свидетельские показания. Новизна аналитического подхода здесь требует внедрения в уголовный процесс алгоритмов сетевого анализа, позволяющих выявлять аффилированность через паттерны транзакционной активности, что пока не получило должного закрепления в нормах доказательственного права.

Еще более сложной является проблема доказывания связи ЦФА с предикатным преступлением, особенно если цепочка транзакций прошла через процедуры микширования (хотя это более характерно для криптоактивов, элементы обфускации могут применяться и в гибридных схемах с ЦФА). Принцип презумпции невиновности требует от стороны обвинения неопровержимых доказательств того, что конкретный токен был приобретен именно на средства, полученные преступным путем. В условиях,

когда преступные доходы смешиваются с легальными средствами на банковском счете перед покупкой ЦФА, возникает проблема юридической сегрегации «грязных» и «чистых» денег. Российская судебная практика пока не выработала единого подхода к вопросу о том, в какой пропорции считать купленные активы преступными при смешении денежных масс. Представляется целесообразным заимствование доктрины «tainted assets» (запятнанных активов), применяемой в ряде юрисдикций общего права, где любое смешение преступных средств с легальными «заражает» всю совокупность активов до момента их разделения или очистки, однако это требует осторожной адаптации к реалиям романо-германской правовой семьи.

Отдельного анализа заслуживает проблема наложения ареста и конфискации ЦФА как меры процессуального принуждения и итоговой санкции. В отличие от банковского счета, который можно заблокировать постановлением суда, доступ к ЦФА технически осуществляется через закрытый ключ или учетную запись в информационной системе. Если оператор информационной системы (в случае легальных российских ЦФА) может технически ограничить операции по счету пользователя, то в случаях использования зарубежных платформ или гибридных инструментов возникают юрисдикционные и технические барьеры. Более того, существует риск быстрой конвертации ЦФА в иные, более анонимные виды активов непосредственно в момент начала следственных действий. Проблема доказывания здесь трансформируется в проблему обеспечения сохранности предмета доказывания. Необходимо законодательно закрепить возможность создания государственных криптовалютных кошельков или счетов в информационных системах, на которые могут переводиться арестованные активы для их хранения, исключая возможность дистанционного доступа к ним со стороны обвиняемого. Отсутствие такого механизма на сегодняшний день приводит к тому, что активы часто остаются под контролем преступников даже после возбуждения уголовного дела.

Важнейшим аспектом доказывания является использование специальных знаний. Анализ блокчейна (on-chain analysis) требует компетенций, выходящих за рамки стандартной подготовки следователей и судей. Заключение экспертов в этой области часто носят вероятностный характер, что недопустимо для обвинительного приговора. Проблема заключается в отсутствии стандартизированных методик судебной компьютерно-технической экспертизы применительно к транзакциям с ЦФА. Судам приходится оценивать распечатки из блокчейн-эксплореров (обозревателей блоков) как «иные документы», что снижает их доказательственную силу по сравнению с заключением эксперта. Необходимо разработать и утвердить на уровне Минюста методические рекомендации по проведению экспертиз движения цифровых активов, которые позволили бы однозначно интерпретировать транзакционные графы и связывать их с конкретными действиями по легализации.

Кроме того, следует обратить внимание на проблему экстерриториальности. Легализация через ЦФА по своей природе трансгранична. Серверы оператора могут находиться в одной юрисдикции, пользователь — в другой, а преступные доходы — получены в третьей. Механизмы международной правовой помощи (MLAT) в нынешних геополитических условиях работают крайне медленно или не работают вовсе. Это создает вакуум в доказательственной базе, когда следствие видит транзакцию, уходящую в иностранную юрисдикцию, но не может получить сведения о конечном получателе. Решение данной проблемы видится не только в заключении новых двусторонних соглашений, но и в развитии концепции универсальной юрисдикции в отношении киберпреступлений и легализации через цифровые активы, позволяющей преследовать бенефициаров схем независимо от места нахождения серверов, основываясь на месте совершения предикатного преступления или месте нахождения потерпевших.

Анализируя субъективную сторону состава преступления, нельзя игнорировать проблему интеллектуального момента умысла. Преступник может заявлять, что он не осознавал специфику работы ЦФА и не имел цели придания правомерного вида доходам, а просто «экспериментировал с новыми технологиями». Опровержение этой версии требует глубокого анализа поведения лица: использования VPN, специализированного программного обеспечения, дробления транзакций (smurfing) — все эти действия, будучи техническими деталями, приобретают юридическое значение доказательств умысла на сокрытие следов. Следовательно, стандарт доказывания по таким делам должен включать в себя обязательный анализ технического «следа» (digital footprint) обвиняемого.

В завершение анализа необходимо отметить, что действующая редакция ст. 104.1 УК РФ (конфискация имущества) требует уточнения в части возможности конфискации не только самого ЦФА, полученного в результате легализации, но и эквивалента стоимости активов, если доступ к ним утрачен (например, утерян приватный ключ). Существующая практика взыскания денежного эквивалента сталкивается с проблемой волатильности курса цифровых активов. На какой момент рассчитывать стоимость конфискуемого эквивалента: на момент совершения преступления, на момент вынесения приговора или на момент исполнения? Учитывая высокую волатильность рынка цифровых финансов, разница может быть колоссальной. Представляется справедливым подход, при котором расчет производится на момент вынесения приговора, но с возможностью индексации, что требует соответствующих разъяснений на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, решение проблем квалификации и доказывания легализации преступных доходов с использованием ЦФА требует системного подхода, включающего не только точечные изменения в УК и УПК РФ, но и формирование новой парадигмы правоприменения, основанной на понимании технологической сущности цифровых активов. Без интеграции технических знаний в ткань уголовного процесса и пересмотра стандартов доказывания

умысла, борьба с высокотехнологичным отмыванием денег рискует остаться неэффективной перед лицом эволюционирующей преступности. Необходимо законодательное признание данных блокчейн-аналитики в качестве самостоятельного вида доказательств, а также разработка четких критериев разграничения легализации и простого использования цифровых активов, что позволит исключить объективное вменение и обеспечить неотвратимость наказания для действительных бенефициаров преступных схем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Мануйленко В. В. Формирование инструментария регулирования и оценки цифровых активов в российской банковской системе: проблемы и перспективы. М.: Финансы и статистика; 2024. 164 с.

2. Чиханчин Ю. А. Эволюция концепций ПОД/ФТ как фактор развития компетенций сотрудников финансовой разведки. Вестник РАЕН. 2024;24(4):5-11. DOI: 10.52531/1682-1696-2024-24-4-5-11

3. Шестопапов А. В., Гречкина О. В. Проблемы статуса оператора обмена цифровых финансовых активов как участника оборота цифровых финансовых активов. Право и управление. 2024;(4):474-478. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-4-474-478

4. Красинский В. В., Леонов П. Ю., Морозов Н. В. Применение искусственного интеллекта в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. Современное право. 2024;(5):75-82.

5. Мизенко Д. А. Новые национальные и наднациональные уязвимости и риски ОД/ФТ в условиях цифровизации финансовых рынков. Столыпинский вестник. 2024;6(1):15. DOI: 10.55186/27131424_2024_6_1_2

6. Завертяев А. А. Практика применения законодательства о цифровых финансовых активах и цифровой валюте в Российской Федерации: анализ судебных решений. Евразийский юридический журнал. 2024;(4):158-161.

7. Гаганов С. Ю. Цифровые активы и цифровые валюты: вопросы идентификации в учете и финансовой отчетности. Финансовый менеджмент. 2024;(11-1):35-43.

8. Пономарев О. В., Проваткина В. Е., Волошина Т. В. Правовые вопросы становления рынка цифрового рубля и иных цифровых финансовых активов в России и за рубежом. Евразийский юридический журнал. 2024;(3):259-261.